

О МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ КРЕЩЕНИЯ И КАНОНИЗАЦИИ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

В предложенной статье рассматриваются традиционные, но остающиеся все еще спорными вопросы о месте крещения и времени канонизации князя Владимира Святославича. Историки, используя практически одни и те же источники, приходят к весьма разноречивым выводам. Автору данного исследования они позволили высказать предположения, что крещение Владимира произошло, как это и утверждается в летописи, в Херсонесе, а его церковное прославление и установление дня памяти – в Новгороде ок. 1251 г. усилиями митрополита Киевского Кирилла и великого киевского князя Александра Ярославича.

Ключевые слова: Владимир Святославич, Иларион, Кирилл, Киев, Новгород, Житие, Похвала.

Traditional but still discussible issues on the location of baptism and the time of canonization of Prince Vladimir Svyatoslavich are considered in this article. Historians having used practically the same sources came to contradictory conclusions. They allowed the author of this research to suppose that the baptism of Vladimir took place in Chersones, as it is stated in the chronicle, and the Church's recognition of him as a saint and establishment of a commemoration date occurred in Novgorod about 1251 due to the efforts of Cyril, Metropolitan of Kiev, and the great prince of Kiev Alexandr Yaroslavych.

Keywords: Vladimir Svyatoslavich, Hilarion, Cyril, Kiev, Novgorod, Vitae, Encomium.

Тема, обозначенная в названии статьи, не обойдена вниманием отечественной историографии. В той или иной мере ее касались почти все историки, обращавшиеся к церковной жизни Руси. Сколько-нибудь определенного разрешения она так и не обрела. В большей мере это относится к вопросу о времени канонизации Владимира, но справедливо и по отношению к месту его крещения. Причиной этому является скудость источников.

Из свидетельства “Повести временных лет” следует, что о месте крещения Владимира спорили уже во времена летописца Нестора: “Се же не свѣдуше право, глаголють, яко крестилься естъ (Владимир. – П.Т.) в Киевѣ, инии же рѣша: в Василевѣ, друзии же инако скажутъ”¹. Не исключено, что одним из таких “несведущих” был и монах Иаков, в “Похвале князю Рускому Владимиру” которого говорится, что Владимир принял крещение за два года до его похода на Херсонес. О крещении Владимира говорит в “Слове о Законе и Благодати” митрополит Иларион, однако ни времени, ни места этого акта не указывает. Нет таких уточнений и в “Сказании о Борисе и Глебе” пре-

¹ Повесть временных лет. Текст и перевод / Подготовка текста Д.С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 77.

подобного Нестора. В “Житии блаженного Владимира” неизвестного автора говорится о крещении Владимира в Херсонесе.

Как считал Е.Е. Голубинский, данное “Житие” необходимо принимать не за сокращение из летописи, а за настоящее самостоятельное сочинение, которое затем послужило основой для летописной повести о крещении. Правда, ни житийному, ни летописному свидетельствам о крещении Владимира он не доверял, полагая, что единственным авторитетом в этом вопросе следует считать монаха Иакова².

Как следует из пространного исследования, корсунская версия казалась невероятной Е.Е. Голубинскому, прежде всего из-за ее не в меру приземленного характера. Крещение Владимира, согласно ей, явилось не результатом его самостоятельного духовного прозрения, вызванного тем, что сам Бог “призрѣвъ съ небеси милостью своею, просвѣтилъ сердце его принять святое крещение”, а результатом политического торга с византийскими императорами³. Не исключено, что подобными соображениями руководствовался и Иаков Мних в своей “Похвале”, которому также казался невероятным рассказ о выборе веры Владимиром.

Одним из убедительных аргументов в пользу докорсунского крещения Владимира, как полагал Е.Е. Голубинский, является свидетельство Иакова о том, что, придя к Корсуню, киевский князь будто бы произнес молитву Богу: “Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у тебе прошу, даси ми градъ, да приму (и) и да приведу люди крестьянье и паки на свою землю, да научать люди (мои) закону крестьянскому”.

Но ведь ничего такого, чтобы принципиально расходилось с “Повестью временных лет” в приведенном обращении к Богу, нет. Владимир прибыл к Корсуню не убежденным язычником, а человеком, созревшим к восприятию новой веры. Когда императоры Василий и Константин поставили условием женитьбы на их сестре Анне крещение Владимира, это не стало для него неожиданностью. Посланникам императоров он сказал: “Глаголите царема тако: Яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи”⁴.

По существу, крещение Владимира и его окружения было главной целью Корсунского похода. Поставив перед боярами и старцами городскими вопрос: “Гдѣ крещенье приимемъ?” и получив на него ответ: “Гдѣ ти любо”, Владимир занялся подготовкой военного похода на Корсунь.

Е.Е. Голубинский признавал, что Владимир Святославич предпринял поход на Корсунь для того, чтобы, как это и утверждает Иаков, привести на свою землю христиан и священников, которые бы научили его людей Закону христианскому. Возникает только вопрос, почему он это сделал не сразу после своего тайного крещения, а только через два года. Эту не совсем логичную ситуацию Е.Е. Голубинский объяснял тем, что Владимир долго не решался приступить к крещению народа, поскольку его собственное крещение было делом частным, не имевшим не только публичной торжественности, но

² Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 123–127.

³ Там же. С. 112–121.

⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 76.

и состоявшимся совершенно тайно от народа⁵. Местом крещения, будто бы, стал небольшой город Василев, поскольку, если Владимир решил креститься втайне от людей, это, естественно, следовало сделать не в Киеве, а где-то в загородном поместье, каким и был Василев. Рассказав о необычной конспирации Владимира, Е.Е. Голубинский затем заявил, что город этот получил свое название в честь крещения в нем князя⁶.

Не слишком ли все это сложно? Тайно креститься и давать свое крестильное имя месту своего крещения. Разумеется, можно сказать, что и это до поры до времени держалось в секрете. Как, согласно Е.Е. Голубинскому, Владимир, пока не объявил себя народу христианином, держал возле себя и своих многочисленных наложниц⁷. А как же это могло согласовываться с его новым вероисповедальным статусом? Видимо, в реальной жизни все было значительно проще.

Однако давайте на минутку предположим, что крещение Владимира произошло по этому полудетективному сценарию. К Корсуню он пришел тайным христианином. Византийские императоры, не зная этого, ставят условием его женитьбы на принцессе Анне крещение. Что должен был делать в этой ситуации Владимир? Доказывать, что он уже крещенный? Но в это никто бы не поверил. Единственным выходом было бы его согласие на повторное крещение. Что, собственно, следует и из сочинения Иакова. Обращаясь к Богу с молитвой под Корсунем, Владимир обещает принять веру и привести “люди крестьяны и попы на свою землю”, если Бог поможет ему овладеть городом. “Даси ми градъ, да прииму”. Поэтому, как бы не изощрялись в своих предположениях историки, следует согласиться с сообщением автора “Повести временных лет” и смириться с фактом крещения Владимира в греческом городе Херсонесе.

Что касается так называемого “политического торга”, то он всегда присутствовал в подобных ситуациях. Даже и тогда, когда решение обратиться в новую веру являлось результатом духовного прозрения. Примером этому может быть и крещение княгини Ольги. Есть основания полагать, что в Константинополь она прибыла уже крещенной. В пользу этого свидетельствует присутствие в ее свите священника Григория. Но политический интерес молодого восточнославянского государства требовал публичной торжественности акта крещения его правительницы, и Ольга добилась этого от византийских императоров и патриарха. По-видимому, в том числе и обещанием присылки в Константинополь богатых даров и военной помощи⁸.

В изложении киевского летописца крещение Ольги в Константинополе значительно перерастает рамки церковного ритуального действия и становится событием большого политического значения. Ольга поставила условием своего крещения исполнение этого обряда самим императором: “Азь погана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ, аще ли, то не крещюся,

⁵ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. С. 132.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Там же. С. 162.

⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 45.

и крести ю царь с патреархомъ”⁹. В крещении княгиня получила имя Елены, матери Константина Великого.

Еще больше воодушевило летописцев крещение Владимира и последовавшее за ним крещение Руси. Причем, излагаются эти важные события как результат вполне осознанного рационального выбора Владимира. Византия не только не навязывала крещение Руси и порфирородство киевскому князю, но даже противилась этому. Чтобы вынудить ее пойти на уступки, Владимиру пришлось овладеть провинциальным византийским городом Херсонесом. Не случайной представляется и историческая параллель между Владимиром и Константином. “Се есть новый Константинъ великого Рима, иже крестивься сам и люди своя; тако и съ створи подобно ему”¹⁰. Еще раньше подобное сравнение привел митрополит Иларион в своем “Слове о Законе и Благодати”.

Есть основания полагать, что торжественные акты крещений (в Константинополе и Херсонесе) расценивались русским общественным мнением как важные церковно-политические победы Руси.

О том, где, в каком храме, произошел акт крещения, в летописях нет единого мнения. “Повесть временных лет” называет церковь св. Василия, которая находилась в центре города. Ипатьевская летопись, практически дословно повторяющая сообщение “Повести временных лет”, говорит о церкви св. Софьи¹¹. Согласно свидетельству “Жития”, Владимир крестился в церкви св. Иакова. Во Владимирском летописце говорится о храме Спаса.

Как представлялось Д.С. Лихачеву, название херсонесского храма св. Василия появилось в “Повести временных лет” вследствие неверного понимания греческого слова “базилика”¹². М.Ю. Брайчевский полагал, что название церкви св. Софии было внесено в летопись ассоциативно, после того как в Киеве, Новгороде и Полоцке уже действовали кафедральные соборы св. Софии¹³.

Путилицу в вопрос о месте крещения внес и сам Владимир, построивший в честь этого памятного события в Херсонесе храм. “Постави же церковь в Корсуни на горѣ, идѣ же съсыпыша средѣ града, крадуще приспу, яже церки стоить и до сего дне”¹⁴. К сожалению, в “Повести временных лет” названия этого храма нет. В “Житии” он назван церковью св. Василия, а в Ипатьевской летописи – церковью св. Иоанна Предтечи.

Не исключено, что месту крещения Владимира летописцы приурочили храм, в котором он венчался с принцессой Анной. Этот акт был не менее торжественен. Е.Е. Голубинский, отдавая предпочтение свидетельству Ипатьевской летописи, полагал, что он должен был произойти в кафедральном храме Херсонеса, которым, как ему казалось, была св. София. Венчание несомненно совершал епископ, что также указывает на то, что оно имело место в кафедральном соборе¹⁵.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 97.

¹² Лихачев Д.С. Комментарий // Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 332.

¹³ Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989. С. 188.

¹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 80.

¹⁵ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. С. 162.

Не имея дополнительных данных для выяснения этого вопроса, следует все же отдать предпочтение информации “Повести временных лет”. К этому склоняют следующие соображения. Владимир принял крестильное имя Василий, которое имел византийский император. Следовательно, если в Херсонесе был храм св. Василия, то акт торжественного крещения и наименования, скорее всего, должен был произойти именно в нем. В пользу этого, как будто, свидетельствует и то, что вернувшись в Киев, Владимир первым делом сооружает церковь св. Василия. “И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумирь Перунь и прочии”¹⁶.

Однако, как бы не решался вопрос о конкретном месте крещения Владимира, не должно быть и малейшего сомнения в том, что эта торжественная церковно-политическая акция произошла в Херсонесе. Этот вывод справедлив и в том случае, если бы оказалось, что Владимир прибыл в Корсунь тайным христианином.

Не совсем ясной остается до наших дней и проблема канонизации Владимира Святославича. Определенно знаем, что письменная традиция не сохранила свидетельств о его церковном прославлении. Ни в одном древнерусском источнике Владимир не назван святым.

Причину затягивания с провозглашением Русской православной церковью Владимира святым Е.Е. Глубинский и другие исследователи видели в особенностях его жизни. До крещения он был буйным язычником, после, хотя и заявил о познании Бога истинного, не отказался от некоторых привычек языческого времени. К ним, согласно православной морали, могли относиться еженедельные пиры на княжьем дворе, которые он устраивал “бояр-рам, гридям, сотским, десятским и нарочитым мужам”. Как свидетельствует летопись, на княжий двор могли приходиться также “нищие и убогие”, что, казалось, должно было облагородить эти пирования. Чего, однако, будто бы, не произошло. Как считал Е.Е. Голубинский, признание Владимира святым стало возможным, когда все второстепенное забылось, оставшись только в былинах и летописях, а народное представление героизировало Владимира как крестителя и просветителя Руси¹⁷.

Думается, что дело здесь не только в народной памяти, будто бы, не позволявшей церкви причислить Владимира к лику святых. Может быть, даже вовсе не в ней. Есть основания полагать, что в канонизации Владимира не были заинтересованы и киевские митрополиты-греки. Из не прямых свидетельств письменных источников можно прийти к выводу, что вопрос канонизации Владимира время от времени дискутировался в церковных кругах Руси. Такой вывод определенно следует из трудов митрополита Илариона и Иакова Мниха.

Обращаясь к Владимиру и сравнивая его с Константином Великим, Иларион говорит: “И вѣру Его уставль, не вѣ единомъ съборѣ, нъ по всеи земли сеи, и церкви Христови поставиль, и служителя ему введеь, подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристоролюбче, равночестителю служителемь Его”. Далее Иларион замечает, что подобно Константину, Господь сделал Владимира на небесах одной с ним славы и чести в награду за бла-

¹⁶ ПВЛ. ч. 1. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 185.

говерие, которое он стяжал в жизни своей: “Его же убо подобникъ сыи, съ тѣмъ же единою славы и чести обещника сътвориль тя Господь на небесѣхъ благовѣрїя твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ”¹⁸.

По существу, похвала Владимиру в “Слове” является ни чем иным, как благопожеланием, своеобразным призывом к причтению Владимира к лику святых. Трудно сказать, почему, будучи киевским митрополитом, Иларион так и не последовал своему собственному призыву.

Или все-таки последовал? Именно так считает известный польский русист Анджей Поппэ, многократно обращавшийся к проблеме святости Владимира. В большой итоговой работе он пришел к выводу, что “целью Иларионовой Похвалы Владимиру было обоснование и установление ежегодного празднования памяти равноапостольного князя и связанной с ним молебной службы с чтением похвалы Владимиру... Называя Владимира крестильным именем Иларион замыслил ввести его в сонм святых”¹⁹.

Право на святость, согласно А. Поппэ, четко обосновывается в заключительных фразах “Похвалы”, в частности, в обращении Илариона к Владимиру с просьбой о молитве за сына Георгия: “Паче же помолися о сынѣ твоемъ, благовѣрнѣмъ каганѣ нашемъ Георгии, въ мирѣ и въ съдравии пучину житїа прѣплути и въ пристанищи небесного завѣтрїя пристати... стати с тобою непостыдно прѣд прѣстоломъ Вседержителя Бога и за трудъ паствы людїи его прїяти от него вѣнецъ славы нетлѣнныа съ всѣми праведными”²⁰.

Таким образом, главный смысл “Слова”, как полагает А. Поппэ, не в призыве к канонизации Владимира, как это общепринято в историографии, а в том, что Иларион воспринимает Владимира как уже причисленного к лику святых и оповещает об этом в своем сочинении²¹.

Столь определенное утверждение предполагает ответ на вопрос: “Когда причисленного?” Из контекста сказанного как будто явствует, что еще до написания Иларионом “Слова”. Однако уже следующая фраза автора входит в явный диссонанс с предыдущей. В ней утверждается, что “решение князя и митрополита-кандидата о церковном признании святости равноапостольного князя могло быть утверждено синодом епископов, созванных для хиротонисания и поставления Илариона”²². Следовательно, оповещать о том, чего еще не было, Иларион в “Слове” не мог. В пользу этого говорит и своеобразная аннотация к “Слову”, содержащаяся в первом его абзаце. Иларион четко заявляет, что похвала слагается не святому, а “кагану (великому князю. – П. Т.) нашему Володимеру”.

В тексте “Слова” Иларион несколько раз называет Владимира блаженным. Делает это по собственной инициативе, при этом считает этот свой поступок дерзновенным. “Тѣмже съ дерзновениемъ и несуменно зовем ти, о

¹⁸ Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. Praha. 1963. Roč. XXXII. Seš. 2. С. 167–168.

¹⁹ Поппэ А. Владимир Святой: у истоков церковного прославления // Факты и знаки. Исследование по семиотике истории / Под ред. Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. Вып. 1. М., 2008. С. 101.

²⁰ Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона... С. 170.

²¹ Поппэ А. Владимир Святой... С. 102.

²² Там же. С. 102–103.

блаженче!” Блаженный – еще не святой, но, оказывается, что и этого церковного признания Владимир к середине XI в. не удостоился.

Очень бы хотелось согласиться с предположением А. Поппэ о том, что святость Владимира была утверждена синодом Русской православной церкви в 1051 г. Но непреодолимым препятствием к этому является отсутствие в письменной традиции второй половины XI в. каких бы то ни было подтверждений этому. Владимир нигде не назван святым и ему не была посвящена церковная служба, что невероятно, если бы канонизация состоялась.

А. Поппэ объясняет это тем, что “след этого конечного акта канонизации простыл” потому, что был признан в Константинополе недействительным. Собственно, как и поставление Илариона. Стоит ли доказывать, что обсуждение подобных предположений непродуктивно²³. Оно уводит нас в мир домыслов. Ведь ни об акте канонизации Владимира в Киеве, ни об отмене его в Константинополе в источниках нет и малейших намеков. Мы ничего не знаем не только об этом, но также и о том, подлежали ли акты Русской православной церкви вообще утверждению Константинопольской патриархией. Если автору об этом что-то известно, следовало бы привести примеры подобных утверждений или отказов. И, конечно, совершенно невозможно согласиться с тем, что русское общественное мнение могло в одночасье забыть о святости Владимира только потому, что это не признали в Константинополе.

Из письменных свидетельств конца XI – начале XII в. следует, что вопрос о святости Владимира и в это время оставался остро дискуссионным. Основным препятствием к причислению его к святым было то, что он не творит чудес. Монах Иаков в “Памяти и похвале князю Рускому Владимиру” вынужден был даже защищать покойного князя от подобных упреков. «Не дивимся, возлюбленнѣи, аще чудес не творить по смерти: Мнози бѣ святии праведнии не створиша чудесь, но святи суть. Рече бо нѣ где о том святыи Златоуст: “Отъ чего познаемъ и разумѣемъ свята человека? От чудес ли или отъ дѣлъ?” И рече: “Отъ дѣлъ познати, а не отъ чудесь”»²⁴.

Для Иакова Мниха Владимир был святой своими делами, которые он творил по примеру святых отцов. “Князь же Володимеръ поревьнова святыхъ мужъ дѣлу и житию ихъ, и възлюби Авраамово житіе, и подража страннолюбіе его, Ияковлю истину, Моисѣву кротость, Давидово безлобіе, Костянтина царя великаго, первого царя крестьянского, того подражая правовѣрие”. Владимир в представлении Иакова был не только “апостолом в князьях”, но и “божественным князем”²⁵.

Автор посмертного панегирика Владимиру в “Повести временных лет” упрекает своих современников в том, что они недостаточно уважительно относятся к памяти крестителя Руси: “Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаем поче-

²³ В них не верит и сам автор, если замечает, что “могло быть и проще, как с введением в сонм русских святых Феодосия Печерского” (Там же. С. 103).

²⁴ Цит. по: Голубинский Е.Е. История Русской церкви. С. 243. Отсутствие посмертных чудес – один из основных аргументов в пользу невозможности ранней канонизации Владимира для многих исследователей. См.: Soldat C. The Absence of Miracles. Problems of the Canonization of St. Vladimir // Studi sull’Oriente Christiano. 1999. Vol. 3/2. P. 29–42.

²⁵ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. С. 243–244.

стью противу оногъ възданью”²⁶. Дальше автор заметил, что если бы люди молились за Владимира перед Богом в день его смерти, и Бог увидел бы их прилежание, то определенно прославил бы его. “Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу за нь в день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше к нему, прославил бы и”. Видимо, не надеясь на народную благодарность, летописец обращается непосредственно к Богу, чтобы он причислил Владимира к сонму праведников. “Но дажь ти господь по сердцю твоему; и вся прощенья твоя исполни, его же желаше царства небесного. Дажь ти господь вѣнецъ с праведными, в пици райстѣй веселье и ликѣствованье съ Авраамомъ и с прочими патриархы”²⁷.

Из цитированных текстов “Памяти и похвалы Владимиру”, а также “Повести временных лет” следует, что вопрос о канонизации Владимира не был решен ни в 70-е годы XI в., ни в первые десятилетия XII в. Конечно, вторая часть статьи 1015 г. не обязательно принадлежит Нестору или Сильвестру. Ее автором мог быть и более ранний автор. Однако, если бы ко времени последней редакции “Повести временных лет” (1118 г.) Владимир был причислен Русской православной церковью к лику святых, это определенно нашло бы свое отражение в летописи.

А.С. Хорошев, посвятивший истории русской канонизации XI–XII вв. специальное монографическое исследование, пришел к выводу, что культ Владимира-крестителя Руси сложился уже в XI в. С этого времени Русская православная церковь, будто бы, внесла его в святцы и поминала²⁸. К сожалению, никакими источниковыми данными сказанное не подтверждено.

А.В. Назаренко, основываясь на отрывке из месяцесловной части “Студийского устава” из собрания Курского краеведческого музея, в которой под 24 июля после службы святым Борису и Глебу говорится о чтении “Жития князя Володимира”, также пришел к выводу, что еще до официального прославления и установления памяти 15 июля память св. Владимира могла кое-где праздноваться 24 июля вместе с памятью его сыновей-страстотерпцев. В подтверждение этой мысли А.В. Назаренко привел пример древней и устойчивой иконографической традиции изображать св. Владимира со святыми его сыновьями – Борисом и Глебом²⁹. Не очень убедительно, если учесть, что наиболее ранние следы этой традиции относятся к XIV в.

Убежденным сторонником ранней канонизации Владимира является Б.А. Успенский³⁰. Основанием для этого ему послужили свидетельства почитания, присутствующие в памятниках древнерусской письменности XI–XII вв. Но все они не прямые и не обладают неопровержимой доказательностью. Даже и фрагмент богослужебного устава, хранящегося в Кур-

²⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 89.

²⁷ Там же. А. Поппэ полагает, что смысл сказанного не в отсутствии молитвенного поминания Владимира, а в том, что люди делали это недостаточно усердно. См.: *Поппэ А.* Владимир Святой... С. 84. Однако это авторская интерпретация. Из буквального прочтения текста следует, что его автор сожалеет как раз о том, что современники не воздают Владимиру почестей и не приносят за него молитвы Богу.

²⁸ *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI–XII вв.). М., 1986. С. 85.

²⁹ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 435.

³⁰ *Успенский Б.А.* Когда был канонизирован Владимир Святославич? // *Paleoslavica*. 2002. Vol. 10/2. С. 271–281.

ском краеведческом музее, в котором упомянуто о “Житии князя Володимира”.

Здесь не все ясно, прежде всего с хронологией источника. Согласно О.А. Князевской, датируется он концом XII – началом XIII в.³¹ Но полной уверенности в этом нет. Требуется выяснения и то, почему “Житие” читалось на службе в день памяти святых Бориса и Глеба, а Владимир не назван в этой записи “святым”. На свой же вопрос: означало ли это, что Владимир еще не почитался святым? Б.А. Успенский ответил, что это маловероятно. Но этого аргумента явно недостаточно для утверждения ранней канонизации. Надо бы объяснить, почему Владимир и в конце XII – начале XIII в. еще не имел своего дня памяти.

Между тем Б.А. Успенский полагает, что указание на житие Владимира свидетельствует, что конец XII – началом XIII в. определяет *terminus ante quem* его прославления. В действительности же, как ему кажется, оно произошло еще раньше. Правда, “до поры, до времени Владимир мог почитаться как святой под своим крестным именем, т.е. под именем Василия”. Решающим аргументом в пользу такого предположения ему послужила запись на бересте, которая читается как: “*хѣ: бѣцѣ петра и павла козмадьмьана: отца васильа и бориса и глеба и свѣхъ (sic!) стхъ*”³². Под “отцом Василием” историк видит Владимира.

Возникает вопрос, почему сыновья названы своими мирскими именами, а их отец – крестным. И как современникам этой записи могло быть известно, кого надо понимать под “отцом Василием?”³³ Против отождествления “отца Василия” с отцом святых Бориса и Глеба свидетельствует и грамматическое построение фразы. Определение должно стоять после определяемого, а не наоборот. Видимо, здесь нет иносказания, а речь идет о св. Василии Великом, который считался отцом церкви.

Не доказанным осталось и предположение Б.А. Успенского о начале почитания Владимира со времени рождения (1020) первенца Ярослава Владимира, который, возможно, получил крестное имя Василия. “Если бы наше предположение о крестном имени Владимира Ярославича оказалось верным, – пишет он, – мы могли бы видеть здесь начальный этап почитания Владимира Святославича”³⁴. Но в том-то и дело, что “если бы”.

Таким образом, приведенные названными историками источниковые материалы не дают ответа на вопрос о времени раннего почитания Владимира. То ли, “кое-где”, как утверждает А.В. Назаренко, то ли, под крестным именем Василий, как думает Б.А. Успенский.

Но может быть это случилось во второй половине XII в.? Некоторые летописные записи как будто позволяют это предполагать. Такой, в частности, является сообщение о завершении строительства Успенского собора во Владимире на Клязьме и речь на торжествах по этому случаю Андрея Боголюбского: “Глагола княземъ и боарамъ своимъ

³¹ Князевская О.А. Отрывок древнерусской рукописи конца XII – начала XIII в. // *Litterae Slavicae medii aevi* Franzisco Venceslao Mareš Sexagenario oblatae. München, 1985.

³² Успенский Б.А. Когда был канонизирован Владимир Святославич? С. 272.

³³ Там же. С. 274, 276.

³⁴ Там же. С. 276–278.

сице: градъ сей Владимиръ во имя свое созда святыи и блаженный великий князь Владимиръ, просветивший всю Русскую землю святымъ крещением³⁵.

К сожалению, довериться этому сообщению также невозможно. Оно принадлежит составителю Никоновской летописи и не находит подтверждения в более ранних письменных источниках. Летописец XVI в. приписал честь основания Владимира на Клязьме Владимиру Святославичу, тогда как им был Владимир Мономах. Об этом содержится запись в Львовской летописи: “Того же лета (1108 г. – *П.Т.*) свершен бысть градъ Владимир Залешский Володимером Мономахом³⁶”.

Хронологически близкая к цитированной запись Лаврентьевской летописи, упоминая Владимира в связи с чудом в Десятинной церкви, также ничего не говорит о его святости. “В то же лѣто (1169 г. – *П.Т.*) чудо сотвори Богъ и Святая Богородица церква Десятинныя в Киевѣ, юже бѣ создалъ Володимерь, иже бѣ хрестиль землю Русьскую³⁷”.

В доказательство ранней канонизации Владимира нередко приводится “Слово о князех”, произнесенное, будто бы, между 1161 и 1175 гг. в Борисоглебском соборе Чернигова. В обращении к черниговским князьям неизвестный автор ставит им в пример подвижничество Владимира, которого называет святым. “Познайте князи свое величество и свою честь. Князя деда имать святого Володимира, приведеше к Богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душъ праведных³⁸”. Учитывая, что древнейшая рукопись “Слова о князех” датируется XV в., а также принимая во внимание стилистику текста, не характерную для памятников XII в., полагаются на то, что слово “святой” было и в оригинальном тексте, невозможно³⁹.

В. Васильев и Е.Е. Голубинский считали, что канонизация Владимира и празднование дня его памяти произошли только в XIII в., после 1240 г. Основание этому они видели в летописном рассказе о Невской битве, произошедшей 15 июля 1240 г. и совпавшей с днем смерти Владимира⁴⁰. Но в нем перечислены только греческие святые: “На собор святых отец 630, иже в Халкидоне, и на память святая мученика Кюрика и Улиты⁴¹”. Если бы Владимир к этому времени был канонизирован, автор рассказа о Невской битве непременно бы это отметил.

Нет свидетельств о канонизации Владимира в домонгольское время и в других летописях. Характерным в этом отношении может быть сообщение Галицко-Волынской летописи 1229 г. о взаимоотношениях Даниила Галицкого и польского короля Конрада. Летописец восторгается Даниилом и сравнивает его с Владимиром Великим: “Богу поспѣвающую има, створиста ему

³⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 222.

³⁶ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 103.

³⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 357.

³⁸ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 338.

³⁹ Подтверждение ранней канонизации Владимира текстами XIV–XV вв. не может быть сколько-нибудь убедительным. Это в одинаковой мере относится как к отечественным памятникам, так и к зарубежным.

⁴⁰ Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 95; Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви // ЧОИД. 1903. Т. 1. С. 63–64.

⁴¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1980. С. 292.

помощь велику, и видоста со славою в землю Лядскую толь глубоко, проче Володимера Великого, иже бѣ землю крестиль”⁴².

Как видим, имя Владимира приведено здесь не просто по случаю, но с определенным содержательным смыслом. Летописец дополнил его эпитетом “Великий”, а также напомнил о заслугах этого князя как просветителя Руси. Однако о его святости не сказал ничего.

Нет упоминаний о дне памяти св. Владимира и в святцах, которые относятся к рубежу и первым десятилетиям XIII в. Даже наиболее полный из них, так называемый Румянцевский Обиходник XIII в., скрупулезно отметивший дни памяти русских святых, о Владимире не упоминает. И это в то время, когда в нем содержится свидетельство о дне освящения построенной им Десятинной церкви⁴³.

Первое летописное упоминание о Владимире Святославиче как святом находится в Галицко-Волынской летописи и датировано 1254 г. Рассказывая о намерении Даниила Романовича выступить в поход на Чехию, к чему его побуждал венгерский король, летописец заметил, что это должно было случиться впервые за всю историю русско-чешских отношений. “Не бѣ бо в землѣ Русѣи первее иже бѣ воевалъ землю Чьшьскою ни Святославъ Хоробры, ни Володимеръ Святы”⁴⁴.

Еще более выразительное свидетельство о святости Владимира содержится в “Повести о житии Александра Невского”, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1263 г. В нем повторен рассказ о Невской битве, однако, в отличие от Новгородской первой летописи, здесь содержится указание на то, что произошла она в день памяти святого Владимира. “И приде на ня въ день воскресенья, на память святыхъ отецъ 600 и 30 бывша Збора в Халкидонѣ, и святою мученику Кюрика и Улиты, и святого князя Володимера, крестившего Русскую землю”⁴⁵.

Из этих летописных свидетельств определенно следует, что культ святого Владимира сложился не раньше второй половины XIII в. Исходя из исторической ситуации, в которой оказалась Русь, это представляется вполне естественным. С одной стороны, в это время для русских церковных кругов мнение греческих иерархов было уже не существенным, с другой – в условиях монголо-татарского завоевания провозглашение Владимира святым было, что называется, заказом времени. Русская земля, которую собрал и просветил Владимир, оказалась в смертельной опасности и нуждалась в его покровительстве, теперь уже как святого.

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758.

⁴³ *Мальшевский И.И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1888. Январь. № 1. С. 46–56.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821. А. Поппэ поставил под сомнение аутентичность этого сообщения, полагая, что слово “святый” появилось под пером переписчика в XIV в. из оригинального слова “старый”. В качестве аргумента ему послужила “некоторая близость начертаний двух слов” (см.: *Поппэ А.* Владимир Святой... С. 63). Без наличия протографа утверждения о возможной замене слов позднейшим переписчиком не имеют оснований. К тому же А. Поппэ не учел, что первое слово писалось сокращенно и с титлом (сѢый), тогда как второе (старый) всегда полнобуквенное. В связи с этим начертательной близости между ними и не было.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479.

И.И. Малышевский предложил место и дату канонизации Владимира. Побудительным событием к этому, согласно ему, послужила Невская битва, происшедшая в день его смерти 15 июля 1240 г. Блестящая победа Александра Ярославича будто бы расценивалась как промыслительное знамение или чудо, которое приписывалось покровителю Руси Владимиру. Поскольку идея канонизации Владимира принадлежала новгородскому князю, то местом ее свершения был Новгород. В Киеве это исполнить не было возможности, поскольку он в это время не имел князя. Александр Невский, будучи благочестивым князем, да к тому же и героем победы над шведами, как полагал И.И. Малышевский, имел основания, усердие и власть вместе с архиепископом новгородским Спиридоном установить день святого Владимира⁴⁶.

Что касается желаний и усердия Александра, спорить не будем. Наверное, они присутствовали. А вот, что касается власти, то ее у Александра и у архиепископа Спиридона определено было недостаточно, чтобы осуществить такую общецерковную акцию.

Нет оснований и для утверждения непосредственной связи между победой над шведами и прославлением Владимира. Из “Жития” Александра узнаем, что чудо на Неве приписывалось не Владимиру, а его сыновьям-мученикам Борису и Глебу. Перед началом битвы старейшина Ижорской земли именем Филипп, которому было поручено следить за передвижением врагов, увидел необычное явление. На Неве появился корабль со святыми Борисом и Глебом, которые были в красном одеянии и говорили о необходимости помощи своему родственнику Александру. «Якоже нача всходити солнце, и слыша шумъ страшень по морю, и видѣ насадъ единъ гребущъ, посредѣ насада стояща мученику Бориса и Глеба въ одежахъ червленихъ, и бѣста руцѣ держаста на рамѣ, гребци же сѣдяху аки мглою одѣни; и рече Борисъ: “Брате Глебе, повели грести, да поможем сроднику своему Олександру”»⁴⁷. Филипп рассказал об этом видении князю, после чего тот повел войско на врага и одержал блестящую победу.

Отвечая на вопрос, когда произошел акт канонизации Владимира, И.И. Малышевский утверждал, что это могло случиться между 15 июля и 6 декабря 1240 г. Основным аргументом в пользу этого послужила известная фраза из “Службы св. Владимиру”, в которой Киев назван “великим городом”, а русских людей приглашают собраться у “чесной церкви Владимира преблаженного”. Поскольку после разорения монголами Киев перестал быть великим городом, а Десятинная церковь лежала в руинах, то “Служба”, согласно И.И. Малышевскому, могла быть составлена только до этого трагического события в жизни Киева⁴⁸. Е.Е. Голубинский также считал, что в “Службе”, если бы она была приготовленная к июлю 1241 г., Киев уже не мог быть называем великим городом.

С подобным выводом невозможно согласиться. Разумеется, трагедия, постигшая столицу Руси, была известна всем. Однако разорение Киева не означало потери им значения великого города, главнейшего сакрального центра Русской земли. В “Службе” речь идет не о физическом, а о церковном

⁴⁶ Малышевский И.И. Когда и где... С. 46–56.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479.

⁴⁸ Малышевский И.И. Когда и где... С. 53.

и духовном величии Киева. Для русских людей, как и для иностранцев, он и после 1240 г. продолжал оставаться столицей Руси. Не случайно монгольские ханы выдавали ярлык на Киев и всю Русскую землю. В статье 1249 г. Лаврентьевской летописи читаем: “И приказаша (хан. – П.Т.) Олександрови Киевъ и всю Русьскую землю”⁴⁹. Великим и сакральным центром Руси Киев оставался и для Византии, патриархи которой подтверждали его митрополичий статус даже и через много лет после монголо-татарского погрома.

Существенным аргументом в пользу учреждения дня памяти Владимира вскоре после Невской битвы, как полагал И.И. Малышевский, была свежесть впечатлений от полученной победы. Логика в этом предположении есть, однако приняв ее, еще больше оснований считать, как утверждал и Е.Е. Голубинский, что торжественный акт канонизации лучше всего было осуществить в следующий после 1240 г. день памяти Владимира⁵⁰, т.е. совершить его 15 июля 1241 г.

Если мы внимательно проанализируем события, последовавшие за Невской победой, то увидим, что условий для осуществления столь масштабной общерусской церковной акции в Новгороде в это время не было. Уже через несколько месяцев, вследствие каких-то недоразумений с новгородцами, Александр вынужден был оставить Новгород и переселиться в Переяславль Залесский. По просьбе новгородцев он вернулся в Новгород весной 1241 г. и сразу же занялся подготовкой к отражению немецких рыцарей. Дальше – война с ними в 1242 г.

Сказанное выше не означает, что следует вообще отказаться от идеи причастности Новгорода и Александра Невского к канонизации Владимира. Думается только, что случилось это в другое время и при других обстоятельствах. Позже, чем предполагал И.И. Малышевский, но раньше, чем это представляется Френсису Батлеру, посвятившему канонизации Владимира интересное исследование. Согласно ему, истоки культа Владимира относятся к Новгороду. Свидетельством этому он считает сооружение в Новгороде церкви, посвященной Владимиру, упомянутой в Новгородской первой летописи под 1311–1312 гг. При этом исследователь полагает, что оба события – посвящение церкви и канонизация – произошли одновременно и что заслуга этого принадлежит архиепископу Новгородскому Давиду, будто бы, имевшему особый интерес к Владимиру⁵¹. На чем основано это последнее предположение, неизвестно. Но только одного интереса для осуществления канонизационной акции провинциальным иерархом явно недостаточно. Без митрополита сделать это было невозможно.

Мне уже приходилось писать, что церковное прославление Владимира следует относить, скорее всего, ко времени великого киевского князя Александра Ярославича и митрополита Кирилла II. В 1249 г., как известно, Александр получил ханский ярлык на Киев и Русскую землю. С этого времени он стал великим киевским князем и вполне обоснованно мог считать себя гла-

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

⁵⁰ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 64. Примеч. 1.

⁵¹ Butler F. Enlightener of Rus: The Image of Vladimir Sviatoslavich across the Centuries. Bloomington; Indiana, 2002. P. 57–82.

вой всех русских князей. Новый государственный статус давал Александру юридические основания на исполнение любых общерусских мероприятий.

И.И. Малышевский, понимая недостаточную легитимность предложенной им канонизации Владимира усилиями удельного князя и его архиепископа, высказал предположение, что союзником благочестивого князя в этом деле являлся киевский митрополит Кирилл (1243–1280). Будучи креатурой Даниила Романовича, он будто бы усердно примкнул к Александру Невскому и содействовал учреждению почитания св. Владимира сперва на Волыни, откуда был родом, а затем и в других землях Руси⁵².

Конечно, без митрополита Кирилла здесь не обошлось. Не следует только представлять его исполнителем княжьего решения. Он, вне всякого сомнения, должен был быть главным действующим лицом церковного акта канонизации Владимира, который, по-видимому, совершил вместе с Александром после того, как тот стал великим киевским князем.

Где и когда это могло произойти? Прямых данных для ответа на этот вопрос нет. Косвенные позволяют предполагать, что причисление Владимира к лику святых могло произойти между 1249 г., когда Александр получил титул киевского князя, и 1252 г., когда он, получив от хана “старейшинство во всей братии его” и став великим князем владимирским, переселился во Владимир на Клязьме.

Наиболее предпочтительной датой канонизационных действий представляется 1251 г. Опосредованное свидетельство этому содержится в Суздальской летописи, в которой сказано: “В лѣто 1251. Поѣха митрополить в Новгородъ Великий, ко Олексанѣдру, съ епископомъ Кириломъ, и умолень быв Новгородци, поставиша Далмата епископомъ, месяца мая въ 25, на память обрѣтенья главы святаго Иоанна Предтечи. Того же лѣта. Бысть болѣзнь тяжка князю Олександру, но Бог помилова и молитва отца его Ярослава и блаженного митрополита Кирила”⁵³.

Из приведенного сообщения следует, что в 1251 г. в Новгороде собралось высшее светское и духовное руководство Руси: великий киевский князь Александр Ярославич, митрополит Киевский и всея Руси Кирилл, епископы владими́ро-суздальский Кирилл и новгородский Долмат. Достаточно ли было полномочий названных лиц для провозглашения святости или установления дня памяти Владимира, сказать сложно. Очень может быть, что в тех исключительно сложных условиях, в которых оказалась Русская православная церковь, и достаточно. Знаем, что и в более благополучные времена церковные соборы бывали неполными.

А. Поппэ, комментируя это мое предположение, счел его некорректным. Будто бы потому, что я “не учел, что без гроба с останками Владимира никакая канонизация не могла состояться”⁵⁴. Но почему же без гроба? Определенно с гробом. Ведь и после разрушения Десятинной церкви он продолжал находиться в ней. С церковной точки зрения, ситуация с возможным провозглашением святости Владимира в Софии Новгородской в 1251 г. принципиально не отличалась от такого же акта, который мог быть

⁵² Малышевский И.И. Когда и где... С. 64.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472–473.

⁵⁴ Поппэ А. Владимир Святой... С. 88.

исполнен в Софии Киевской в 1051 г. И та, и другая находились на канонической территории Киевской митрополии. И ни в одной из них не было гроба Владимира⁵⁵.

В пользу того, что до середины XIII в. Владимир не признавался святым, свидетельствует также и то, что князья, получавшие княжеские имена Владимира, не обретали обязательно крестильное имя Василий. Наиболее показательным примером этому может быть волынский князь Владимир Василькович, родившийся ок. 1249 г. и получивший в крещении имя Иоанна⁵⁶.

Конечно, отсутствие прямого свидетельства подрывает вероятность высказанного вывода. Но в таком положении находятся и все другие. По неизвестным причинам свидетельства о канонизации Владимира не попали на страницы летописей или других сочинений. Однако, тот факт, что летописцы начинают говорить о его святости только с 1254 г., позволяет утверждать относительную близость акта церковного прославления к этой дате.

⁵⁵ А. Поппэ, пожурив автора этой статьи за вывод о том, что канонизационный акт был исполнен митрополитом Кириллом, в другом месте неожиданно высказал близкую мысль: «Поддержка митрополита Кирилла могла способствовать оцерковлению культа “во владыках апостола”» (*Поппэ А. Владимир Святой... С. 95*).

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Там же. С. 62–63.